© 1994 г., ЭО, № 2

Ю. В. Иванова

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ЕЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ

Понятия «историко-этнографическая область» (ИЭО) и «хозяйственно-культурный тип» (ХКТ) уже несколько десятилетий работают в нашей науке, хотя и подвергаются время от времени уточнениям, дополнениям, а порою и сомнениям [1]. Некоторые авторы как синоним ИЭО употребляют термин «историко-культурная область», имея в виду самое расширительное понятие «культура».

Культура конкретного человеческого сообщества формируется в процессе освоения им естественно-географической среды обитания, в течение которого вырабатываются формы и стиль труда, появляются материальные результаты этого труда и складывается субъективное оценочное отношение человека к окружающему миру, своему социуму и соседним сообществам. Причины и следствия в этом многоплановом процессе постоянно меняются местами.

Формирование культурной общности на определенной территории нескольких, зачастую не родственных между собою этносов — процесс исторический, протекающий на основе, во-первых, постоянного взаимодействия человеческих коллективов (этносов, группы этносов) с конкретными условиями географической зоны, а во-вторых, сходства или даже единства исторических судеб этих коллективов (этнических общностей). ИЭО — открытая система, на протяжении истории ее формирования и существования ее границы могут меняться.

Прямые и обратные связи между человеком и конкретной географической зоной его обитания привели к тому, что каждая ИЭО имеет свое определенное сочетание ХКТ, отражающее специфическое разделение труда среди населения ИЭО [2]. Хозяйственная деятельность человека, всегда социально обусловленная, а также различные социальные, политические и другие коллизии вызывали изменения в сочетании ХКТ, перераспределение их объема и значимости в рамках данной ИЭО на протяжении веков [3].

Теория ХКТ первоначально сформулирована на основании на фактов преимущественно из жизни первобытного общества, в дальнейшей ее разработке также преобладали реалии доиндустриальной эпохи, что вполне логично, так как с наступлением века индустриализации хозяйственная деятельность человека меняется принципиально. Однако само понятие «границы» между доиндустриальными и индустриальными обществами растяжимо в силу неравномерности развития различных частей эйкумены. Следовательно, метод научного анализа, основанный на теории ХКТ, можно применить при изучении обществ, так сказать, «переходного» состояния со сравнительно продвинутым производством, обменом и развитой городской жизнью. Поэтому мне представляется возможным расширить понятие ХКТ и показать, что с собственно хозяйственной деятельностью неразрывно связаны образ жизни, типы общественных коллективов, некоторые элементы религиозных воззрений (например, особого рода «одушевленность» природы) и даже устное, песенное и музыкальное народное творчество.

По моему мнению, деятельность людей нельзя делить на материальную и духовную сферы. На что бы ни была направлена эта деятельность, она духовна уже потому, что осознана изначально и оценена в конечном результате. Деление этнографических реалий на материальную и духовную культуры было общепринято и работало многие годы (в нашей отечественной науке это деление опиралось в известной степени на тезис о базисе и надстройке), но его неубедительность и недостаточность ощущаются все более по мере разработки

теоретических основ науки. Данное деление подвергается сомнению со стороны специалистов, в частности сторонников цивилизационного подхода к осмыслению истории человечества [4].

Изложенные здесь общие соображения постараюсь пояснить на примере Юго-Восточной Европы, которую следует определить как ИЭО: она характеризуется определенными физико-географическими условиями, историческим и культурным единством. Географические границы этой ИЭО включают Балканский п-ов, острова Адриатического, Ионического, Эгейского и Средиземного морей, Кипр и западные области п-ва Малая Азия [5]. Дальнейшее изложение основано преимущественно на материалах XVIII — первых десятилетий XX в.

Естественно-географические особенности Юго-Восточной Европы заключаются в преобладании систем гор и возвышенностей и в небольшой площади низменностей, преимущественно приморских, в сочетании с изрезанной береговой линией и множеством близко расположенных островов, что способствовало развитию мореходства. По морским путям шло движение насельников Передней Азии на острова Кипр, Крит и другие более или менее крупные острова Эгеиды, на берега Балканского п-ова и далее в пределы Западного Средиземноморья. Контакты эти имели место не позднее VI—V тысячелетия до н. э. — на заре становления производящего хозяйства, что доказывается распространением на Балканском п-ове в периоды раннего и среднего неолита типичных для Передней Азии злаковых культур и некоторых видов мелкого рогатого скота [6].

И позднее, во II—I тысячелетиях до н. э. из Передней Азии на Балканы шло передвижение многих культурных достижений — в частности, через многочисленные колонии ахейцев в Малой Азии, ионийцев на островах, в средней части Малой Азии и на берегах Мраморного и Черного морей. С VIII в. до н. э. древнегреческие колонии служили проводниками между митрополией и периферией античного мира. Обоюдный культурный обмен всех категорий — хозяйственными навыками и изобретениями, духовными достижениями — протекал при постоянных языковых контактах [7].

Между населением Балканского п-ова и прилегающих к нему северных областей связи также были весьма сильны: жители сносились через легко проходимые горные перевалы, по речным долинам или путем каботажного плавания. Постоянный обмен технологией, продукцией хозяйства и другой информацией между жителями горных областей и низменностей, обитателями морских побережий и внутренних районов способствовали формированию характерных для всей Юго-Восточной Европы особенностей хозяйственного производства и быта населения. И позже, во все времена между сложившимися ХКТ шло постоянное взаимное проникновение.

Современная этнографическая карта Юго-Восточной Европы сформировалась в течение I тысячелетия н. э. Завоевание Римом балканских земель стало причиной возникновения восточнороманского этнического комплекса, что произошло благодаря употреблению местным гетодакийским населением и мигрантами из разных частей империи единого государственного латинского языка и в результате симбиоза местной культуры с престижной культурой центра империи [8]. Славянские племена, неоднородные по своему происхождению, начав продвижение на юг из-за Дуная в первые века н. э. и завершившие расселение по Балканскому п-ову в VI—VII вв., сливаясь с фракийцами, иллирийцами и кельтами, растворив в своей среде тюркоязычных булгар, вступая в контакты с эпиротами и греками, положили начало южно-славянским этносам. В южной Иллирии местный этнический компонент, наследниками которого, по мнению многих специалистов, являются албанцы, оказался сильнее славянского, так же как и греческий на юге полуострова. Этнический состав населения Юго-Восточной Европы дополнялся тюрками, которые стали проникать на полуостров с конца IV в. н. э., армянами, составлявшими вместе с греками значительную часть торгово-ремесленного населения городов, арабами, владевшими Критом в IX—X вв., выходцами из Западной Европы, состоявшими на военной службе византийских импе-

раторов и находившихся в рядах крестоносцев IV Крестового похода, которые осели в Восточном Средиземноморье. Каждая этническая группа в отдельности и все они вместе составили тот сложный мир, центральным стержнем которого была византийская культура [9].

В I тысячелетии и в первой половине II тысячелетия сложились этносы Юго-Восточной Европы с их устойчивой этнической культурой и языками. Разные по происхождению эти этносы связаны в единый многочленный комплекс, который именуется ИЭО. Его древнейший слой прослеживается в религиозных верованиях, отразивших и непосредственные наблюдения людей над живой природой еще в древнейшую доземледельческую эпоху, и попытки их в пору производящего хозяйства влиять тем или иным способом на результаты своей деятельности в данных природных условиях. Позже древние религиозные представления вошли в огромный сложнейший комплекс христианства. Христианство легло в основу мощной византийской культуры, которая не только объединила всех разноплеменных и разноязычных подданных империи, но и оказала огромное влияние на культуру значительной части Европы, в том числе и Древней Руси [10].

В эпоху формирования этносов сложились особенности культуры жизнеобеспечения, которые наряду с главными направлениями хозяйственной деятельности составляют основную суть ХКТ. ХКТ — явление историческое: его внутренняя сущность и соотношение с другими ХКТ в рамках одной ИЭО меняется со временем. Это более чем справедливо по отношению к Юго-Восточной Европе: с XIV в. постепенно почти весь этот регион был завоеван Османской империей и вошел в огромное политическое образование, господствовавшее над народами, стоявшими на самых разных уровнях общественного и культурного развития. Тюрки — бывшие скотоводы-кочевники, положившие основание турецкому этносу, оседая на землях Малой Азии, усваивали культуру местного земледельческого населения, передавая ему идеологию ислама. На Балканы они принесли элементы арабской и персидской культуры, свои порядки государственного устройства, право шариата, мерки морали и домашнего быта. Культурные навыки местного населения и новой культурной струи из центров Османской империи составил синкретический культурный комплекс, более всего характерный для городов центральных районов Балканского п-ова, некоторых крупных островов Эгейского моря и западной части Малой Азии [11].

Для ИЭО Юго-Восточной Европы представляется целесообразным выделить следующие ХКТ: 1) плужное земледелие — высокоспециализированное с разведением зерновых, садовых, масличных, виноградных, технических культур в сочетании с оседлым животноводством; 2) скотоводство отгонного типа с вертикальным сезонным передвижением пастухов со стадами; 3) скотоводство кочевого типа с вертикальной сезонной перекочевкой всего людского контингента со стадами; 4) морские промыслы: рыболовство, добыча «даров моря», мореходство; 5) ремесленные занятия при бродячем образе жизни; 6) ремесленно-торговые занятия городских жителей.

Хозяйственно-культурный тип плужного земледелия. Юго-Восточная Европа принадлежит к тем местностям эйкумены, где переход к земледельческому производящему хозяйству совершался на стадии раннего и среднего неолита. Плодородные почвы могли давать хорошие урожаи при примитивной технике. Н. И. Вавилов и другие ученые, продолжавшие и развивавшие его методы восстановления истории земледелия на основании миграции культурных растений, предлагают различать первичные и вторичные очаги раннеземледельческой культуры. Вторичный Средиземноморский очаг — древнейший в Европе: производящее хозяйство распространилось там в VI—V тысячелетиях до н. э. под воздействием Переднеазиатского очага (где оно возникло на несколько тысячелетий раньше) через выходцев из Леванта [12].

На низменных пространствах Балканского п-ова складывались весьма входные традиции земледельческого хозяйства. Балканские землепашцы знали два вида пахотных орудий — рало и плуг. Уже в бронзовом веке было известно

однозубое рало с прямым грядилем. В результате усовершенствования рала, у которого полоз и рукоятка были сделаны из одного куска дерева (очевидно, он и возник на Балканах), были изобретены различные варианты плуга. В римский период пахотные орудия в Юго-Восточной Европе получили дальнейшее развитие. Латинская земледельческая терминология не только в восточнороманских языках указывает на этот процесс [13].

Ручной способ посева преобладал повсеместно. Орудием жатвы служил серп (как правило — женское орудие) двух видов: круто изогнутый, имевший хождение еще у ранних земледельцев на Балканах доримской эпохи, и менее изогнутый с удлиненным лезвием, которым легче срезать колосья у самого основания. Это обеспечивало заготовку не только зерен, но и соломы. Для более удобного захвата колосьев на левую руку надевали деревянную прихватку. Работали также небольшой косой (преимущественно мужчины). Молотили с помощью лошадей и волов, которые вытаптывали зерна из колосьев, разостланных на плотно утрамбованной круглой площадке. Применялись также катки и молотильные доски.

В Юго-Восточной Европе основу земледельческого хозяйства составило выращивание нескольких сортов твердых пшениц, овсов, льнов, гороха, чины, бобов, чечевицы, сахарной свеклы, многих плодовых деревьев, бахчевых культур, овощей. Начиная с XVI в. традиционные зерновые культуры дополнились кукурузой, которая вскоре для некоторых районов стала основной хлебной культурой [14]. Одна из важнейших культур — оливковое дерево (маслина), в южных районах ИЭО — виноград. Все это составляло основу питания, в которой резко преобладали углеводы. Белковую пищу получали от упоминавшихся уже бобовых культур и плодов дикорастущих ореховых деревьев. Но, разумеется, главным источником было мясо и молоко домашних животных (к ним надо добавить мясо, добываемое на охоте на диких зверей, и рыбу).

В крестьянских хозяйствах любого земледельческого района Юго-Восточной Европы содержалось то или иное количество скота — как мясомолочного, так и мясошерстного. Ю. И. Семенов предлагал выделить особый тип хозяйства — «стойловое животноводство», таксономически равное подвижному скотоводству и кочевому скотоводству. В. М. Шамиладзе называет его «подсобным скотоводством», Б. Х. Кармышева — «придомным скотоводством», А. Н. Ямсков — стойлово-пастбищным [15].

В пищевой рацион земледельцев, разумеется, включалось и мясо и молоко с его производными, животные жиры, но в нем в большей степени, по сравнению с рационом скотоводов, потреблялись мучные и крупяные блюда; преобладали растительные жиры (главным образом оливковое, а также подсолнечное масло).

Хлеб был пресный и кислый. Кислый (дрожжевой) хлеб выпекался обычно на поду в закрытой стационарной печи. Значение хлеба как основы питания ярко выявляется в обрядах семейного и календарного цикла, а также в приемах народного врачевания и магических действиях народов Юго-Восточной Европы [16].

К своего рода вкусовым пристрастиям следует отнести обычай курения табака. По европейской Турции он распространился из Анатолии: первые его плантации возникли близ Измира (Смирны) в начале XVII в. Областями выращивания самых высоких сортов табака были Ксантия, Кавалла, Драма, Македония [17].

Направление хозяйства диктует выбор исходных материалов для изготовления одежды. Разумеется, в традиционных костюмах всех народов Юго-Восточной Европы обязательно использовались продукты скотоводства: из шерсти овец и коз ткали материю для одежды, изготовляли всевозможные изделия домашнего обихода (ковры, войлоки, транспортные емкости и т. д.), кожи крупного рогатого скота подвергались различной обработке для изготовления одежды, обуви, поясов и прочего. Однако наряду с этими материалами широко и издавна применялись материи из растительных волокон: льна, конопли (древнейших волокновых культур данной зоны), из шелка (культура тутовых деревьев и разведение шелкопряда тоже имеет большую давность). Позже к этому набору технических культур добавился хлопок.

Транспортные средства — также показатель ХКТ. Для транспортных нужд содержались домашние животные. Среди средств колесного транспорта в Юго-Восточной Европе преобладают четырехколесные повозки, реже применялись двухколесные, упряжка, как правило, дышловая. Упряжные животные — лошади, мулы, волы, иногда буйволы. Ввиду преобладания пересеченной местности наряду с колесным транспортом в изучаемое время широко использовались лошади, мулы и ослы для вьючных перевозок грузов и для верховой езды. Многие грузы люди переносили на себе; чаще всего эта работа выпадала на долю женщин, которые очень ловко переносили значительные тяжести на голове.

Классическая для Средиземноморья зона поликультуры характеризуется поселениями, расположенными вблизи источников, горных ручьев, водами которых орошались возделанные участки (но не непосредственно возле речных русел: их разливы заставляли строить поселения выше уровня рек). Там, где низменные морские побережья, зимой затоплялись, нельзя было возводить постоянные поселения, зато на их удобренных илом лугах можно было летом пасти скот, в том числе крупный рогатый и лошадей. Самые низменные места, поросшие камышовыми зарослями, — рассадники малярии люди обходили с опаской. Примерами низменного ландшафта может служить почти вся приморская зона Албании, а также юго-запад Малой Азии. В процессе дальнейшего развития земледелия происходило хозяйственное освоение сухих участков долин: их распахивали под посевы зерновых. В качестве примера такого хозяйственного ландшафта можно назвать Фессалию. Наконец, третья стадия освоения ландшафта началась с орошения сухих долин при помощи различных устройств — колодцев, плотин, каналов. Одновременно осушались заливные луга и превращались в пахотные поля [18].

Типы поселений — постоянные или временные — зависели от направления хозяйства. В ареале пашенного земледелия главным типом были постоянные поселения.

Форма поселений сообразовывалась с рельефом местности. Выгадывалось как можно больше площади под возделываемые участки. В небольших долинах, где размеры пахотных площадей ограничены, села предпочтительно располагались на холмах, на неудобьях. Форма их, как правило, скученная.

Типы жилого дома не связаны непосредственно с ХКТ: их генезис лежит в сфере социальных культурообразующих факторов. От природных условий, в которых возник и закрепился тот или иной ХКТ, зависит выбор строительных материалов, а они в свою очередь определяют архитектурные возможности строителей.

Так называемый паннонский дом возник на равнине. Чаще всего он имеет один этаж, лишь иногда два. Вдоль всего фасада под свесом крыши протягивается галерея, подпираемая столбами, на нее выходят двери вытянутых вдоль галереи и не смежных между собою жилых помещений. Такие дома встречаются в Воеводине, в северо-восточных районах Хорватии (Посавина), в паннонской части Словении, в Румынии и Венгрии. Близки к этому типу дома в средней части Албании и в равнинных зонах Греции [19].

В поселениях оседлых земледельцев Юго-Восточной Европы возводились дома и иных типов.

Древние религиозные представления ранних земледельцев создали культ плодородия, в который включается почитание растительности и воды. Этот типично земледельческий круг верований связан с образом быка. Крит с его удивительными фресками, изображающими ритуально-спортивные игры с быком, с его символическими изображениями бычьих рогов, с мифом о Минотавре и Тесее — один из известнейших центров этого культа [20].

Великая мать — владычица неба и дождя — присутствует в ритуалах вызывания дождя, культа воды. Подчеркнутые особенности женского тела на ее древнейших изображениях указывают на прямое сопоставление процесса вызревания земных плодов с деторождением. Этим древним верованиям, чьи отголоски прос-

леживаются в современной местной культуре, наследовали женские божества — центральные образы более поздних религий: Инана в Щумере, Иштар в Аккаде, Кибела во Фригии, Исида в Египте, Анахит в Армении.

В средиземноморском ареале древнего земледелия возникли мифические персонажи, умерщвляемые и воскресающие в новой растительной ипостаси, — Аттис, Адонис, Осирис, Иисус Христос. Там же сложился и образ Диониса — бога плодоносящих сил земли, растительности и виноделия [21].

Хозяйственно-культурный тип отгонного скотоводства. Хозяйственно-культурный тип отгонного пастбищного скотоводства — один из главных (наряду с земледелием) ХКТ Юго-Восточной Европы. Разновидности подвижного скотоводства чрезвычайно разнообразны. Не входит в задачи настоящей работы углубляться в их перечисление и анализ, тем более что среди специалистов нет на этот счет единодушия [22]. Г. Е. Марков называет его подвижным скотоводством, подчеркивая, что при нем имеет место не перекочевка стад, а отгон или перегон стад на пастбища. Существуют различные варианты — от круглогодичного выпаса скота на пастбищах до сезонного содержания скота вблизи оседлого селения. Именно такие формы он находит на Кавказе, в Карпатах, в альпийской зоне [23]. Список таких ареалов следует расширить, включив Балканский [24].

Среди тех видов или форм хозяйства, которые имели место в изучаемый период у народов Юго-Восточной Европы, есть основания выделить отдельный, особый ХКТ подвижного скотоводства, или отгонно-пастбищного скотоводства, при которых стада и обслуживающие их пастухи передвигаются от зимних пастбищ к весенне-осенним и летним пастбищам и обратно, в то время как остальные члены семейств живут в постоянных поселениях. В специальной литературе, в том числе и в работах авторов из стран Юго-Восточной Европы, этот вид скотоводческого хозяйства называется трансюманс (или трансгуманс). Среди участников упомянутой дискуссии этот термин принимают В. М. Шамиладзе и Г. Е. Марков [25].

Длительное функционирование хозяйственно-культурного типа отгонного пастбищного скотоводства в Юго-Восточной Европе (вплоть до рубежа XIX—XX вв.) обосновано природно-географическими условиями, выработанной в течение многих веков рациональной системой использования горных пастбищ [26]. Разводили по преимуществу овец, в значительно меньшей степени коз.

Постоянные поселения скотоводов, как правило, были расположены на горных склонах, занимая промежуточное положение между высокогорными альпийскиими лугами — местом летнего выпаса стад и зимними пастбищами в низинах [27].

Техника скотоводческого хозяйства на всем Балканском п-ове была в общих чертах едина. Скот выпасали на подножном корму. С переходом к полуотгонному хозяйству вошло в практику сенокошение и заготовка на зиму дубовых и буковых ветвей. Заготовка кормов неизбежно сопряжена с сокращением поголовья скота. Повсеместно применялись сходные приемы переработки молочных продуктов, специфическая утварь — кожанные бурдюки, деревянные кадушки и маслобойки.

Столь же одинаковы у всех балканских народов приемы стрижки овец и обработки шерсти, изготовление тканей для одежды, ковровых изделий, войлочных плащей, мужских шапок и верхней одежды из овчины, из сыромятной кожи. В некоторых комплексах традиционного костюма все изготовлялось из шерсти, шкур и кожи без употребления материи из растительных волокон (хлопка, льна, конопли) [28].

Для горных зон Юго-Восточной Европы характерны три вида транспортных средств: перенос груза людьми, перевоз вьюком на лошадях, мулах и ослах, волочение при помощи различных волокуш. Колесный транспорт применялся в ограниченном количестве. Для переноса тяжестей изобретено множество приспособлений: заплечные плетеные корзины и короба, переметные сумы. Бочонки для транспортировки воды снабжены лямками для того, чтобы укрепить их за спиной. На волокушах перевозили сено, камни, другие громоздкие и тяжелые клади.

Пищевой рацион скотоводов был связан с направлением хозяйства и образом жизни: пресный (преимущественно) хлеб, неподовый, испеченный на противне, под колпаком, засыпанным горячей золой; преобладание мясомолочных продуктов, животных жиров. Очень характерен способ приготовления мяса: цельная туша (чаще всего барана, ягненка) жарилась на вертеле над открытым огнем. Этот когда-то единственный способ стал со временем чисто ритуальным, к нему прибегали при совершении различных церемоний. Из ритуального жертвенного кушанья жареное мясо (курбан) превратилось в праздничное угощение, распространенное и излюбленное на Балканах повсеместно. В некоторых местностях выражение «делать курбан» стало означать «справлять праздник».

Для постоянных поселений скотоводов наиболее характерен так называемый средиземноморский тип жилого дома. На горных склонах дом естественно развивался в вертикальном направлении: исходный однокамерный жилой объем был поднят на высокий цоколь. В нижнем ярусе помещался скот, различные орудия труда. На верхнем этаже, куда попадали по внешней лестнице, располагалось жилое помещение — одно- или двухкамерное. Стены возводились преимущественно из камня (хотя бывали и комбинированные дома из камня и дерева). Двускатная крыша возводилась на стропилах. Такие дома преобладают в горной местности: в адриатической зоне Югославии, в Боснии, Черногории, Македонии, в Албании (по преимуществу в северном высокогорье), в континентальной части Греции и на многих ее островах [29].

Поселения скотоводов расположены по преимуществу на горных склонах и бывают двух типов: скученные и разбросанные (в зависимости от условий строительства). Разбросанные поселения состоят из отдельно стоящих усадеб, окруженных возделанными участками земли. Иногда они настолько отдалены друг от друга, разбросаны по горным склонам среди невозделанного неудобья, что можно говорить о хуторском поселении.

Традиции скотоводческого хозяйства нашли яркое выражение во многих обычаях и обрядах, существовавших в изучаемом регионе и сохранившихся ныне в разной степени на бытовом уровне культуры [30]. Первый весенний выгон скота на пастбища у всех скотоводческих народов Европы сопровождался обрядовыми действиями, призванными содействовать благополучному выпасу на весь летний период [31].

Балканское пастушество придало комплексу обычаев и обрядов первого выгона, осуществлявшего в день св. Георгия, 23 апреля по старому стилю (6 мая по новому), специфическую направленность. Образ св. Георгия — одного из наиболее популярных святых христианской религии в Восточной и Юго-Восточной Европе — чрезвычайно сложен. Для Юго-Восточной Европы наиболее важны те обряды, которые связаны со скотоводством, относительно слабее выражены земледельческие (эти последние более ярки в мифологии западных и восточных славян); как и в других регионах, достаточно ярко присутствуют элементы, имеющие отношение к магии брака и плодородия; значительно меньше распространены мотивы змееборчества [32].

Датой возвращения животных с летних пастбищ был день св. Дмитрия, 26 октября старого стиля (8 ноября нового), отстоящий от Георгиева дня ровно на полгода [33]. Эти дни служили поворотными датами народного календаря: от Георгиева до Дмитриева дня — «лето», от Дмитриева до Георгиева дня — «зима». Такое деление года приняли и турецкие крестьяне, так как подвижный лунный мусульманский календарь неудобен для отсчета сельскохозяйственных работ.

Георгиев и Дмитриев дни были вехами для многих хозяйственных дел, как связанных со скотоводством (наем и расчет пастухов), так и не связанных с ним (заключение всевозможных сделок, уход на отхожие промыслы весною и возвращение осенью и прочее).

Хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства. «Номадный способ производства, — по мнению казахского ученого Н. Е. Масанова, — это специфический способ производства в рамках аграрной стадии общественного

развития, порожденный особой стратегией природопользования в аридной зоне и социокультурной адаптации посредством сезонномигрирующего скотоводческого хозяйства» [34].

Г. Е. Марков определяет кочевое скотоводство как ветвь производящего хозяйства, сопряженную с особой социальной организацией. Этот автор различает два подтипа ХКТ: собственно кочевое с большой амплитудой кочевания и полукочевое, отличающееся меньшей подвижностью, с меньшим, чем в первом подтипе, использованием транспортных животных при перекочевках. Оба эти подтипа, согласно представлениям Г. Е. Маркова, сосуществуют одновременно в одном регионе. По существу с Г. Е. Марковым согласны В. М. Шамиладзе, Г. Н. Симаков, М. О. Османов, Ю. И. Семенов [35].

В Юго-Восточной Европе кочевым скотоводством занимались три этнические группы: романоязычные валахи (влехи, аромуны, цинцары), тюркоязычные юрюки и грекоязычные саракачаны (саракацаны) [36].

Валахи (влахи, влехи) — это обобщенный этноним, под которым подразумеваются все группы романского (по языковой принадлежности) населения. Бытует и другое содержание этого названия: этноним превратился в понятие с социальным содержанием. В пределах югославянских земель валахами («власи») называли всех пастухов, совершавших со стадами отгон на пастбища (трансюманс), независимо от их собственно этнической принадлежности (еще их называли и албанцами — «арбанаси»).

Ареал ХКТ кочевого скотоводства в наше время узок, а его удельный вес в общем хозяйственном балансе незначителен. В середине XX в., в первые десятилетия после второй мировой войны, сохранялся еще небольшой контингент валахов, придерживавшихся традиций своей культуры. Примером может служить валашское население, обитавшее на юге и юго-востоке Албании. До второй мировой войны они свободно переходили границы Албании, Греции и Югославии, мигрируя на сравнительно большие расстояния. После закрытия границ в послевоенное время амплитуда кочевания значительно сократилась — от приморской низменности до гор на юго-востоке страны.

Кочевникам-валахам был присущ замкнутый цикл кочевания по отрегулированным маршрутам. По этим традиционным путям передвигался в соответствии с движением овечьих стад весь людской контингент, не имеющий постоянных поселений. Зимний период проводили в низинах у побережья Адриатического и Ионического морей. На постоянно используемых зимних пастбищах возводились временные поселения, состоявшие из хижин полусферической формы, сплетенных из ветвей и крытых войлочными кошмами и соломенными матами. Скот содержали на подножном корму. С наступлением весны все люди снимались с места, погрузив вьюком на мулов все имущество. Медленно продвигались овечьи стада по горным дорогам, шли люди с груженными мулами в поводу. Продолжительность стоянок была большой в силу достаточной обеспеченности водой (водопользование естественное) и продуктивным растительным покровом. Наконец достигали высокогорных пастбищ, где оставались все теплое время года. Там сооружали двускатные шалаши, крытые серовато-бурыми шерстяными полотнищами. По окончании летнего выпаса овец начиналась перекочевка в обратном направлении. Достигнув приморских пастбищ, приводили в порядок зимние постройки, жизнь в них возобновлялась.

Культура жизнеобеспечения была хорошо адаптирована к ритму кочевания. В этом ХКТ полностью утилизировались продукты скотоводства. Преобладала мясомолочная пища. Одежда изготовлялась из шерстяных домодельных тканей, сукна, кожи и вязаных изделий. Для оборудования жилищ и многих предметов утвари применялись войлоки, грубые сукна, изделия из кожи.

Комплексные скотоводческо-земледельческое и земледельческо-скотоводческое хозяйства. Земледельческая и скотоводческая культуры в Юго-Восточной Европе имеют, как уже отмечалось выше, в равной мере глубокие традиции. Ведущая роль того или другого вида хозяйственной деятельности (и, следователь-

но, облик традиционной культуры) зависит от конкретных природных условий каждого данного района, во-первых, а во-вторых, — от исторически сложившихся социальных отношений.

Например, анализ лексических особенностей албанского языка доказывает, что скотоводческое хозяйство складывалось в предгорной и горной зонах еще в ранние периоды этнической истории албанцев [37]. Сведения о постепенном переходе североалбанских горцев от чисто скотоводческого хозяйства к комплексному скотоводческо-земледельческому и о том, как постепенно хлебопашество занимало все большее место в их деятельности, относятся к концу XIX в., ко времени глубокого социального расслоения Османской империи, когда обширные земли и скотопрогонные пути принадлежали помещикам, ограничивавшим возможности перегона стад [38]. В то же самое время славянское население Родопских гор отдавало предпочтение горному земледелию [39]. Материалы из других регионов, сходных с Балканами по природным условиям и социальным отношениям, показывают переход горцев от земледелия, как ведущего направления хозяйства, к скотоводству. Так было в Дагестане: примерно до XV в. в его горных зонах люди добывали основные средства пропитания от земли и только позднее — от отгонного овцеводства. Другим примером может служить Швейцария, где еще в XII — XIV вв. население гор занималось преимущественно земледелием и лишь в дальнейшем перешло к содержанию молочного скота (что было следствием улучшения технологии сыроварения) [40].

Механизм перехода скотоводческого хозяйства в комплексное скотоводческо-земледельческое в общих чертах един для всего Средиземноморья: это, во первых, развитие земледелия на горных склонах, а во-вторых, переселение из горных районов в долины (горцы, вынужденные спускаться в долины, первыми заселяли равнинные пространства, отвоеванные у степей и болот [41]. Этот переход происходил практически всегда в силу быстрого относительного перенаселения в результате экстенсивных методов хозяйства — выпаса на подножном корму. Увеличение поголовья скота сдерживали ограниченные пастбищные угодья, объем заготавливаемых на зиму кормов (сена и ветвей в стремительно редеющих буковых и дубовых лесах) также был невелик и вел к сокращению стад. «Вторжение человека в естественные природные процессы, — замечает по этому поводу Л. В. Данилова, — вело к нарушению количественного соотношения факторов внешней среды, смещению границ биоценозов, усилению или, напротив, уничтожению тех звеньев и компонентов, которые использовались человеком в производственной деятельности» [42]. Естественные причины: оскудение кормовой базы, в сочетании с системой землепользования (ограниченные возможности крестьянского хозяйства на небольших участках земли, зачастую арендованных у крупных землевладельцев) вызывали миграцию населения: значительные людские контингенты выталкивались из кормовой области.

Миграция населения на большие расстояния из центральных районов Юго-Восточной Европы на север привела к интереснейшему явлению: формированию единого хозяйственно-культурного типа на обширном пространстве, охватывающем Балканский п-ов и Карпатские горы с прикарпатскими зонами. Это явление дало основание специалистам определить Карпато-Балканскую географическую зону как историко-этнографическую область, сопряженную с хозяйственно-культурным типом отгонного скотоводства, состоящую из Карпатской и из Балканской ИЭО меньшего таксонометрического порядка [43]. Интенсивные связи Балкан и Карпат начались в V — VI вв. н. э. и позже принимали разные формы и различную направленность, о чем говорят языковые данные (южнославянизмы, сохранившиеся в языках восточных романцев и венгров, данные албанского языка и прочее). Наиболее интенсивная миграционная волна, оставившая след не только в языке, но и в этнографических реалиях, получила название «валашской колонизации» или «колонизации на валашском праве» (XIV — XVII вв.). Как было уже сказано выше, так называемые «валахи» — это более историческое, чем этническое образование, в основе которого лежит восточнороманский этнический

элемент [44]. В заселении горных районов Карпатского региона (кроме преобладавшего на первых порах восточнороманского компонента из Балканских областей) приняли активное участие безземельные и малоземельные крестьяне из прилегающих славянских земель — украинцы, словаки, поляки, чехи.

В течение XVII — XVIII вв. все эти группы перешли к оседлости и стали заниматься комплексным хозяйством, сочетая земледелие с отгонным скотоводством на летних выпасах, однако общие черты «валашской» культуры продолжали сохраняться, особенно те из них, которые были связаны с утилитарно-производственной сферой [45].

Конечно, возможность миграции зависела в первую очередь от конкретной исторической обстановки. Например, в Болгарии, после обретения независимости от Османской империи (1878 г.) капиталистические отношения начали развиваться быстрыми темпами, вызвав более интенсивное движение населения с гор на равнины. Освоение новых угодий шло путем самовольной запашки, основанной на свободной заимке пустошей, что соответствовало обычному праву. Переход к комплексному хозяйству начался еще в горных селениях: распахивали общинные земли, выкорчевывали леса, в одних конкретных условиях захватывали земли бежавших турок, в других покупали землю (акция торжествующих частнособственнических отношений над общинными). В результате сокращалась площадь пастбищных угодий, испытывало упадок скотоводство. Эти процессы приводили к расслоению крестьянства (неравные возможности свободной запашки и тем более выкупа бывших турецких земель), к распаду сложных многолюдных семей: происходило дробление наделов, образование слоя малоземельных крестьян, из числа которых появлялись отходники [46].

В то время как отгонное скотоводство в Юго-Восточной Европе все более и более становилось ветвью комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, ХКТ кочевого скотоводства не имел перспектив для продуктивного развития, так как он не представлял собой самодостаточной системы культуры. Экстенсивное использование пастбищ не давало возможности увеличивать кормовую базу (ее сдерживала одновременно и феодальная собственность на землю). Амплитуда миграций сокращалась. Быстро возникало относительное перенаселение, избыточное население вынуждено было или мигрировать в иные географические зоны, или оседать на землю, или пополнять ремесленно-торговое население городов, преимущественно в южной части Албании, образуя, как правило, отдельные кварталы в городской застройке. На первых порах их занятия составляли как бы продолжение традиционного скотоводческого хозяйства: изготовляли и продавали молочные продукты и конскую сбрую, служили погонщиками караванов, перевозивших поклажу на вьючных лошадях [47].

Город Воскопоя — известный со средних веков центр торговли и культуры — был населен православными валахами. В первой половине XVIII в. в нем была основана типография, печатавшая книги на греческом языке, а позже — Новая Академия — учебное заведение, вокруг которого собрались интеллектуалы того времени, связанные с идеями европейского просветительства [48].

Хозяйственно-культурный тип тружеников моря. Этот ХКТ включает деятельность рыбаков, собирателей моллюсков и других съедобных даров моря, ловцов губок и профессиональных моряков. По этнической принадлежности это были по большей части греки, греки-киприоты, турки, турки-киприоты и славяне — жители Далматинского побережья Адриатического и западного побережья Черного морей, другими словами — население островов и тех морских побережий, береговая линия которых изрезана бухтами, удобными для гаваней [49].

Пищевой режим тружеников моря, естественно, включает всевозможные рыбные блюда и снедь, приготовленную из съедобных моллюсков и прочих «даров моря». Рыбу жарят на оливковом масле.

Тип заселения: непосредственно на морском берегу выше линии прибоя или несколько в глубине на всхолмленном месте, непригодном для пашни. Тип поселения — постоянный. Форма поселения — кучевая, в старинных приморских го-

родах — террасовая или террасово-веерная; центр города — это гавань, его главная улица — набережная, на ней торговые предприятия, кафе, средоточие деловой жизни и рекреации. Жилая застройка тянется вверх по склонам окружающих гор или холмов или же растекается по равнине.

Преобладающий тип дома на островах Эгейского и Средиземного морей и на побережье Пелопоннеса — левантийский. Это небольшая одно-, полутора-, двухэтажная постройка под плоской, купольной, изредка стропильной крышей, чаще всего сложенная из камня. Хозяйственные постройки невелики и преимущественно соединены в одно архитектурное целое с жилыми помещениями [50]. На Далматинском побережье (а также частично и в указанных выше районах) встречаются и дома средиземноморского типа.

Для тружеников моря очень характерен культ св. Николая. В православии св. Николай считался покровителем всех путешествующих, следовательно, и плавающих по морям. В Юго-Восточной Европе он явно контаминировался с образом античного владыки морей Посейдона. Церкви, сооруженные во имя св. Николая, как правило, располагаются на морском берегу. На греческих судах в XIX в. считалось необходимым иметь икону св. Николая. Во время бури греческие моряки приносили ему жертву пшеничной кашей (коливо). Один из наиболее популярных государственных праздников Греции — день Крещения (Богоявления); обряд водосвятия заключается в том, что в море опускают крест.

Хозяйственно-культурный тип бродячих ремесленников. Перемещение без определенного маршрута в Юго-Восточной Европе изучаемого времени, было присуще, цыганам [51].

Цыгане являли собой замкнутую этническую общность. Ее отгороженность от других групп населения поддерживалась эндогамными браками, обязательность которых признается некоторыми людьми до сих пор [52]. Традиционные занятия цыган — изготовление сит и других плетеных вещей домашней утвари (в Албании их за это называют shoshare — «ситоделатели»), кузнечное дело, обжиг черепицы, мелочная торговля и, конечно, гадание. Славятся они сейчас, как и в прошлом, как хорошие музыканты, и их охотно приглашают для обслуживания свадебных празднеств.

ХКТ бродячих (подвижных, неоседлых) ремесленников столь же неуклонно заменяется оседлым образом жизни, как и ХКТ кочевых скотоводов. Это общая закономерность для ХКТ с экстенсивным уровнем хозяйства. Цыгане и в прошлом, и сейчас оседали в основном в городах, где занимались по большей части неквалифицированным трудом, мелкой торговлей (реже в селах, где были кузнецами и вели небольшое подсобное хозяйство). Обычно они занимали отдельные кварталы на окраинах городов и сел.

Путешественник первой половины XIX в. уверял, что «у них нет никакой религии» [53]. Более точно было бы сказать, что цыгане проявляли удивительную этническую и религиозную мимикрию: живя среди христиан, считаясь официально мусульманами, они отмечали праздники христианского календаря, особенно те, которые сопровождались ярмарками. На Пасху красили яйца, в день св. Георгия украшали жилые дома зеленью и пировали на свежем воздухе, в Македонии совершали паломничество в монастырь св. Иоанна и т. д. Живя среди мусульман, одевались, как местные жители (в Косове цыганки более строго придерживались албанского традиционного костюма, чем албанки). В Греции все цыгане крещены в православную веру (живут отдельными поселениями или кварталами на континенте — на Пелопоннесе, в Фессалии, Аттике, на островах не селятся).

Хозяйственно-культурный тип ремесленно-торговых занятий городского населения. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров объединили городскую обрабатывающую и сельскую промышленность в один ХКТ с плужным земледелием и животноводством умеренной зоны. Как и в другие типы их обобщенной схемы, в это определение необходимо внести существенные уточнения: выделить ремесленно-торговую деятельность горожан в отдельный ХКТ, не столько потому, что деревенские

ремесленники были всегда одновременно заняты и сельским хозяйством (такая связь была и у горожан), сколько по преобладанию удельного веса ремесла и торговли в жизни города как цельного социального организма. Наряду с ними в доиндустриальную эпоху в Юго-Восточной Европе у горожан были и аграрные занятия — землепашество, садоводство, виноградарство, а также администрирование, полицейская служба, обслуживание религиозных учреждений — все это в описываемый ХКТ не входит. Но в него надлежит включить горнорудное производство, на основе которого возникли средневековые города Боснии и Сербии [54].

Город можно определить как центр этнокультурного общения: в нем скрещивались влияния и тех культурных достижений и навыков, которые возникали в самом городе, и тех, что складывались в его сельской округе [55]. Для всех городов Юго-Восточной Европы (за малым исключением Пелопоннеса и небольших островов) характерна полиэтничность населения. Каждый крупный балканский город после XVI в. служил мостом не только между районами его ближайшей периферии, что важно само по себе, но и более обширного региона: торговые пути делали доступным обмен между сравнительно отдаленными друг от друга областями. Этнические массивы в пределах ИЭО захватывались этими путями, внутренние связи каждого этноса — это частный случай торгово-транспортных связей ИЭО.

Города разных зон Юго-Восточной Европы различались по своему политическому статусу, социальной стратиграфии, бытовому укладу населения. Они имели различия в жилой и общественной застройке, архитектуре жилых, общественных, культовых зданий, в занятиях горожан, в их одежде и повседневном быту. Города северо-западной зоны ИЭО (Славонии и Словении) и в историко-архитектурном, и в этнографическом плане тяготели к культуре Центральной Европы. Далматинские города испытывали сильное венецианское влияние. Ионические острова и некоторые пункты на Адриатическом и Ионическом побережьях также в значительной мере связаны с культурой средневековых итальянских государств, а позже (от рубежа XVIII—XIX вв.) — с западноевропейской. Греческие города южной оконечности Балканского п-ова, Пелопоннеса, островов Эгейского моря и Кипра сохранили в большой степени черты культуры, сформировавшейся до османского завоевания.

В османское время сложился ареал культуры, который мы условно назовем балкано-западномалоазийским [56]. Первоначально он основывался на стыке местной культуры оседлого земледельческого населения Малой Азии и пришлой культуры бывших кочевников — тюрок, предков современных турок [57]. За века господства Османской империи на Балканах возник синкретический культурный комплекс, в котором традиции местного населения объединились с навыками, переданными социально господствующим турецким этносом. Наиболее полно он проявился в городской жизни центральных областей Балканского п-ова и западного побережья Малой Азии [58].

Особенности ХКТ ремесленно-торговых занятий в городах балкано-западномалоазийского ареала следующие: неполное отделение ремесленной и торговой деятельности от сельского хозяйства (особенно после османского завоевания, прервавшего естественный ход развития городов), нерасчлененность ремесла и торговли, производства и быта, зависимость производственной специализации от конфессиональной принадлежности. Население группировалось по кварталам в соответствии с религиозной принадлежностью (конфессиональное самосознание было значительно сильнее этнического). Торговля велась в специальном ремесленно-торговом квартале, где была сосредоточена вся деловая жизнь города. Торговая площадь (вместе с расположенными на ней или в непосредственной близости от нее церквами, мечетями, публичными банями, кофейнями и харчевнями) была одновременно и местом народных собраний, вершения правосудия, празднеств, проведения досуга мужского населения.

В разных зонах Балкан эта площадь, так же как и весь квартал, носила

различные названия, но часто в повседневном говоре народа фигурирует одновременно несколько: «пазар» (тур.), «ярмарка» (нем.), серия названий славянского корня — «трг» (словен.), «траговиште» (серб.), отсюда «treg» (албан.).

В торговом квартале располагались рядами лавки-мастерские («дюкян», «радн а»), где ремесленник изготовлял и сам продавал свою продукцию. Дюкяны группировались по профессиям, составляя целые «улицы». Людям каждой конфессии предписывалось заниматься строго определенным набором ремесел, например, оружие могли изготовлять только мусульмане, в югославянских областях католики были серебряных дел мастерами, православные — гончарами, портными, лекарями; турки-мусульмане выделывали кожи и т. д., впрочем, порядки эти чрезвычайно разнились в разных землях.

В средние века социальная стратиграфия была жесткой: мастер — подмастерье — ученик. Каждый имел определенный круг обязанностей, переход из подмастерьев в разряд мастеров осуществлялся в соответствии со строгими правилами. Ремесленники объединялись в профессиональные цехи («эснафы»), имевшие свои уставы. Это была серьезная сила в общественной и политической жизни города, да и всей империи [59]. С XVII в. значение цехов-эснафов стало падать, а в XIX в. конкуренция дешевых фабричных товаров, завозимых из европейских стран, задушила местное ремесло.

Профессионалы-торговцы занимались крупной посреднической торговлей (ввозом и вывозом) по сухопутным и морским путям в пределах Османской империи и за ее границами [60]. Для перевоза грузов использовались караваны вьючных лошадей.

Тип городской застройки в интересующей нас зоне — скученный. Внешний вид городов с мечетями, минаретами, часовыми башнями, публичными банями приобрел «восточный» колорит.

Наиболее распространенный тип жилого дома — ориентальный, широко бытовавший от Белграда на севере полуострова до Янины и Кастории на его юге, до Стамбула на его востоке, а также на больших островах Эгейского моря; очень характерен он для городов и сел западного побережья Малой Азии [61]. Это двух-, иногда трехэтажная постройка, преимущественно каркасной конструкции, с нависающими выступами закрытых балконов-эркеров на втором этаже, вход на который вел по внутренней лестнице. Внизу располагались хозяйственные помещения, наверху — жилые и парадные комнаты, убранство которых диктовалось модой, идущей от верхних социальных слоев общества, принимавших за образец вкусы османской аристократии. То же самое касалось одежды, питания, суждений об этикете, одним словом, складывалась новая модель жизни, принятая людьми определенного социального статуса (земельная аристократия, зажиточные горожане), перенимавшаяся горожанами средней руки, и постепенно, по мере проникновения в быт, воспринимавшаяся как всеобщая и обязательная, т. е. традиционная.

Нельзя считать это явление культурной ассимиляцией: балкано-малоазийский культурный комплекс создавался в течение нескольких веков в этнически смешанной среде и общими усилиями людей, принадлежавших к разным этносам и конфессиям. Исламизация балканского населения, насаждавшаяся как насильственными, так и ненасильственными методами, не имела значительных успехов, мусульмане всегда составляли меньшинство [62]. Важную, если не решающую, роль в формировании производственных и бытовых характеристик ХКТ ремесленно-торговой деятельности сыграл фактор престижности, в силу которого культура (бытовая и профессиональная) социально господствующей группы оценивалась выше местной, в то время как менталитет балканских народов, основанный на культурно-религиозной общности, противостоял ассимиляционным процессам [63].

Как и любая другая ИЭО, Юго-Восточная Европа — открытая система. Особенности ХКТ плужного земледелия связывают ее через обширную переходную зону Придунавья (территория современной Румынии) с восточнославянским

миром — югом Днестровско-Прутского междуречья и далее на восток по северному Причерноморью (Новороссии). ХКТ трансюманса прокладывает связи на север, в Карпатскую зону. ХКТ тружеников моря объединяет ее с широким ареалом Средиземноморья. Наконец, сам генезис культурного комплекса проистекает из природно-географической общности с Передней Азией, что предназначило Юго-Восточной Европе роль связующего звена (в отношении языковых контактов, религиозных представлений, хозяйственных особенностей и многого другого) между остальной Европой и берегами Восточного Средиземноморья.

Примечания

[1] *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // Сов. этнография. 1955. № 4; *Андрианов Б. В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // Сов. этнография. 1968. № 2; *Андрианов Б. В., Марков Г. Е.* Хозяйственно-культурные типы и способы производства // Вопр. истории. 1990. № 8; *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Историко-этнографические области: проблемы историко-этнографического районирования // Сов. этнография. 1975. № 3; *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // Там же. 1970. № 6; *его же.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

[2] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Сов. этнография. 1972. № 2; *Фадеев А. А., Чеснов Я. В.* Хозяйственно-культурные типы (картосхема) // *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971. С. 172—173.

[3] *Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н.* К истории хозяйственно-культурной дифференциации человечества. М., 1973.

[4] *Алаев Л. Б., Ерасов Б. С.* Формация или цивилизация? // Народы Азии и Африки. 1990. № 3; *Барг М. А.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // История СССР. 1991. № 5; *Шемякин Я. Г.* Проблема цивилизации в советской научной литературе 60—80-х годов // Там же. В этой работе см. подробную библиографию вопроса.

[5] *Иванова Ю. В.* Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М., 1982.

[6] *Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 170—171, 376—378.

[7] *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1974; *Мерперт Н. Я.* Миграция в эпоху неолита и энеолита // Сов. археология. 1978. № 3; *Иванов Вяч. Вс.* Читал-Гююк и Балканы: Проблемы этнических связей и культурных контактов // Лингвистические исследования. М., 1979; *Блаватская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976; *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978; *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982; *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957; *Полевой В. М.* Искусство Греции: Древний мир. М., 1970; *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1964.

[8] *Кругликова И. Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955; Этническая история восточных романцев. М., 1979.

[9] *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985; *Широков О. С.* Введение в языкознание. М., 1985; *его же.* Введение в балканистику. М., 1991; *Stipčević A.* Illiri. Povjest. Život, kultura. Zagreb. 1974; Studime ilire. Prishtinë, 1978. V. I, II.

[10] *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.

[11] *Еремеев Е. Е.* Этногенез турок. М., 1971; *его же.* Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.

[12] *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений // *Вавилов Н. И.* Избранные произведения в двух томах. Л., 1967. С. 193—197; *его же.* Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Там же. С. 313, 315 (картосхема); *Титов В. С.* Период неолита в Греции // Новое в советской археологии. М., 1965; *Андрианов Б. В.* Земледелие наших предков. М., 1978; *Шнирельман В. А.* Происхождение производящего хозяйства. С. 371—384; *Лисицина Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.

[13] *Демченко Н. А.* Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XX в. Кишинев, 1967. С. 81—83. *его же.* Связь традиционных форм пахотных орудий Молдавии и стран Балкано-Карпатского ареала // Балканские исследования: Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 216—224. Там же см. библиографию вопроса; *Кларк Г.* Доисторическая Европа. М., 1953. С. 109—110; *Сергеенко М. Е.* Италийский плуг // Византийский временник. 1956. Т. IX. Табл. 1; *Выжарова Ж. Н.* О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956. С. 49; *Маринов В.* Дървяният плуг в България // Изв. на Етнографски институт и музей. Т. VI. София, 1963. С. 113—118; *его же.* Към вопроса за ралните форми в България // Там же. 1969. Т. XII. С. 35; *Vlăduţiu I.* Etnografia văii Bistriţei. Zona Bicaz. Piatra Neamţ. 1973. P. 283—307.

[14] *Кожухов И. В.* Кукурузы Турции // *Жуковский П. М.* Земледельческая Турция. М.; Л., 1933. С. 321—322.

[15] *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые другие общие проблемы теории хозяйства и общества // Сов. этнография. 1982. № 2. С. 52; *Шамиладзе В. М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // Там же. № 3. С. 74; *Кармышева Б. Х.* Рецензия на книгу В. М. Шамиладзе «Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии»

// Там же. № 3. С. 76; *Ямсков А. Н.* Отгонно-пастбищное скотоводство: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 14; Н. И. Конрад, характеризуя образ жизни в государствах Южной Европы в I тысячелетии до н. э., отметил сочетание плужного земледелия со стойловым и выгонным скотоводством (*Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972. С. 457—460).

[16] Δεύτερου Α. Ν. Το ψωμί δώρο στις κοινωνικές εχεσεις τον ελληνκού λάου // Επετηρίδος του ερευνης λαογραφιας, Τ. 15, 1977/80, σελ, 136—149.

[17] *Жуковский П. М.* Земледельческая Турция. С. 508.

[18] *Биро П., Дреш Ж.* Средиземноморье. Т. I. М., 1960. С. 91.

[19] Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М., 1968. С. 79, 109—119, 124.

[20] *Иванова Ю. В.* Этнокультурные особенности календарной обрядности народов Юго-Восточной Европы // Балканские исследования. Вып. 9: Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 394—405; *Дальский А. Н.* Театрально-зрелищные действия на Крите и в Микенах. М.; Л., 1937. С. 126—127.

[21] *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология // Сов. археология. 1965. № 1; *Зеленчук В. С., Попович Ю. В.* Антропоморфные образы в обрядах плодородия у восточнороманских народов в XIX — начале XX в. // Балканские исследования: проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 195—201.

[22] На страницах журнала «Советская этнография» в начале 1980-х годов развернулась дискуссия о типологизации, дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // Сов. этнография. 1981. № 4. 1982; № 2—4. См. также Carpatobalkanika. XIV. 1—2. Bratislava, 1985. S. 107—109.

[23] *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Сов. этнография. 1981. № 4.

[24] *Фрейденберг М. М.* Проблемы отгонного скотоводства в современной балканистике // Этническая история восточных романцев. М., 1979. С. 204—216.

[25] *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979. С. 53; *Беш Г.* География мирового хозяйства. М., 1966. С. 59—60; Одредбе позитивног законодавства и обичајног права о сезонским кретањима сточара у Југоисточној Европе кроз векове. Зборник радова за међународног научног скупа одржаног 6 и 7 новембра 1975 г. у Београду. Београд, 1976 (далее — Одредбе); *Foldes K.* [red.] Wiehwirtschaft und Hirtenkultur. Budapest, 1972.

[26] *Gušić B.* Ekološki uslovi na prostoru transhumanskog stočarenia na Balkanu // Одредбе... С. 144; *Ршумовић Р.* Географски услови и њихова улога у еволуцији сточарских кретања у Југославији // Там же. С. 162.

[27] *Будина О. Р.* Поселения Северной Албании как этнографический источник // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Докл. и сообщения советской делегации. М., 1974.

[28] *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1973; *ее же.* Функционирование и генезис пастушеской терминологии в славянских говорах карпатского ареала // Карпатский сборник. М., 1976. С. 22—26; Gušić B. Ekološki uslovi... С. 143—158; *Финдрик Р.* О архитектури сточарског стана // Там же. С. 335—354; *Vlădiţiu L.* Etnografia văii Bistritei... P. 177—245; *idem.* Almenwirtschaftliche Viehhaltung und Transhumance in Brangebiet. Budapest, 1961. S. 197—241; *Zojzi Rr.* Mbi veshjet tradicionale të popullit tonë // Studime historike. Tiranë. 1965. № 4.

[29] Типы сельского жилища... С. 24, 94—96, 103, 126—128; *Nopcsa F.* Haus und Hausrat in Katolischen Nordalbaniens. Sarajevo, 1912.

[30] *Tirta M.* Kulte të bujqesisë e të blegtorisë // Etnografia Shqiptare. 1980. № 9. F. 155—208; Πουλιανου Δ. 'Η επιδραση του γεωγραφικου στη διαμορφωση του δημοτικου τραγουδιου//Ανδρωπος, Τ. 12. 1990, σελ. 196—204.

[31] *Токарев С. А.* Обычаи, обряды и поверья, связанные с животноводством // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 92—94.

[32] Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Весенние праздники. М., 1977; *Колева Т. А.* Георгиев день у южных славян // Сов. этнография. 1978. № 2; *ее же.* Гергьевден у южните славяни. София, 1981; *Кашуба М. С.* Сеоски привредни обичаји и обреди народа Југославије у пролећном календарском циклусу // Гласник Етнографског музеја у Београду, књ. 37. Београд, 1974.

[33] *Кашуба М. С.* Скотоводческие обряды в осеннем календарном цикле народов Балкан в XIX веке // Македонски фолклор. 1979. № 23; *Loukatos D.* Le saint Demetre (26 oct), jour de culte, des tranhumances et de conventions automnales chez les pasteurs nomades ou semi—nomades en Grece // Одредбе... С. 257—268.

[34] *Масанов Н. Е.* Специфика общественного развития кочевников казахов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 41.

[35] *Марков Г. Е.* Скотоводческое хозяйство и кочевничество... С. 84—90; *Шамиладзе В. М.* О некоторых вопросах классификации и терминологии скотоводства Кавказа // Сов. этнография. 1982. № 3. С. 72—73; *Симаков Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века // Там же. 1982. № 4. С. 72—73; *Османов М. О.* О формах и типах скотоводства // Там же. 1984. № 6. С. 84; *Семенов Ю. И.* Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // Там же. 1982. № 2.

[36] *Еремеев Д. Е.* Юрюки: турецкие кочевники и полукочевники. М., 1969; *его же.* Этногенез турок. М., 1971. С. 53, 63—73, 68, 95—96, 138—142; *его же.* Проникновение тюркских племен в Малую Азию. М., 1964. С. 3; *Маринов В.* Принос към изучаването на произхода, бита и културата на Каракачаните в България. София, 1964; *Антониевић Д.* Обреди и обичаји балканских сточара. Београд, 1982; *Marcu L.* Formes traditionnelles d'elevage pastoral et systemes d'organisation chez les vlaques balkaniques // Одредбе... С. 67—81.

[37] *Широков О. С.* Введение в балканистику.

[38] *Иванова Ю. В.* Северная Албания в XIX — начале XX в. М., 1973. С. 38—42.

[39] *Маркова Л. В.* Хозяйственное развитие Родопского края Болгарии и досоциалистический период // Etudes balkaniques. Sofia. 1980. № 2; см. также: *Гросул В.* О соотношении животноводства и земледелия в дунайских княжествах в начале XIX в. // Уч. зап. Кишиневского ун-та. Т. 65 (Сер. историческая).

[40] *Bircher R.* Urspünge der Tatkraft. Beitrage zur Ernährungsgeschichte der Schweiz. Erlenbach—Zurich: Deukalion—Verlang, s. a.

[41] *Биро П., Дреш Ж.* Средиземноморье. С. 93; *Иванова Ю. В.* Северная Албания... С. 35—41; об оседании на землю юрюков см. *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971. С. 142; см. также *Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. М., 1974.

[42] *Данилова Л. В.* Природные и социальные факторы производительных сил на докапиталистических стадиях общественного развития // Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 123. См. также *Громов Г. Г.* Хозяйственный ареал как сфера взаимодействия человека и природы // Общество и природа. М., 1981. С. 332, 334; *Стојановић П.* Сезонска кретања сточара и комунице у обичајима и прописима Црне Горе // Одредбе... С. 115.

[43] *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат // Карпатский сборник. С. 10—14.

[44] *Бернштейн С. Б.* О некоторых итогах и перспективах лингвистических исследований Карпатско-Дунайского региона // Carpatobalcanica. T. XIV. № 1—2. Bratislava, 1985. S. 88; Этническая история восточных романцев: древность и средние века. М., 1979; *Gevazzi M.* Stočari—Vlasi po sjeverozapadnoj Hrvatskoj prema odredbama vlasti o njihovim kretanjima i obovezama. // Одредбе... С. 49—56; *Труфаноски Ј. С.* Географске карактеристике средњовјековних катуна // Симпозиум о средњовјековном катуну, одржан 24 и 25 новембра 1961. Књ. 2. Сараево, 1963. С. 19—20.

[45] *Инкин В. Ф.* Дворище и сельская община в селах валашского права Галицкого Предгорья XVI—XVIII вв. по материалам Самборской экономии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971. С. 114—120; *Драгнев Д. М.* Сельское хозяйство феодальной Моравии (конец XVII — начало XIX вв.). Кишинев, 1975. С. 62, 117.

[46] *Маркова Л. В.* К вопросу о социальной активности болгарского крестьянства в период становления буржуазных отношений // Първи международен конгрес по българистика. Т. I. София, 1981. С. 325—327.

[47] *Иванова Ю. В.* Полевая тетрадь. Албания, 1956. С. 42—43.

[48] Historia e Shqipërisë. V. I. Tiranë, 1959. F. 404—416.

[49] *Briski B.* Këngë lirike popullore me motive detare // Gjurmime albanologjike. Folklor dhe etnologji. T. VII. Prishtinë, 1978. F. 147—158.

[50] Типы сельского жилища... С. 128—133; *Полевой В. М.* Искусство Греции: Новое время. М., 1975. С. 63—85; *Smith A.* The architecture of Chios. L., 1962; Παπαμιχαιλη-Κουτρομπα Α. Τεχνη και ζωη. Τ. Ι. Αθηναι, 1980, σελ. 20—50.

[51] Б. В. Андрианов причисляет цыган к большой категории «неоседлого населения» (*Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира. М., 1985; *его же.* Неоседлое население: прошлое, настоящее, будущее // Природа. 1956. № 3.

[52] *Иванова Ю. В.* Полевая тетрадь. Албания, 1956. Л. 33—35, 64; *ее же.* Полевая тетрадь. Македония, 1975. Л. 50—58; *ее же.* Полевая тетрадь. Греция, 1989. Л. 66 (АИ ЭА РАН); *Hughes T. S.* Travels in Greece and Albania. V. I. L., 1830. P. 457.

[53] *Hughes T. S.* Travels in Greece and Albania. P. 457.

[54] *Ковачевић-Којић.* Градска насеља средневјековне Босанске државе. Сарајево, 1978.

[55] *Фрейденберг М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XII—XV вв. Калинин, 1972.

[56] Об этнографическом районировании Юго-Восточной Европы см. *Иванова Ю. В.* Формирование культурной общности... С. 189; подробную характеристику данного ареала см. там же. С. 183—188.

[57] *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. Этот исследователь полагает, что турецкая народность по крайней мере на треть состояла из исламизированного местного населения.

[58] *Гроте Г.* По азиатской и европейской Турции. М., 1904; *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX вв. София, 1972; *Георгиев Г.* София и софиянци 1878—1944. София, 1983; Български средневековни градове и крепости. Варна, 1981; *Джорджевич Ж.* Становништво Београда през 1859—1863 // Историјски гласник. Београд, 1983. № 1—2; *Којић В.* Stari balkanski gradovi, varoši i varošice. Beograd, 1976; Strukture social et developement culturel des villes sud—est europeennes et adriatiques dux XVII—XVIII siecles. Bukureşti, 1975.

[59] *Тодоров Н.* Балканский город... С. 187—220, 281, 415; *Мейер М. С.* К проблеме экономической жизни городов Османской империи в XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1978; *Shkodra Z.* Esnafët shqiptarë. Tiranë, 1973.

[60] *Панова Ст.* Българските търговци през XVII в. София, 1980; *Bur M.* Alltagsleben und der materiallen Kultur der Balkanbevölkerung im XVI Jahrhundert // Etudes balkaniques. 1983. № 4.

[61] Типы сельского жилища... С. 30, 96, 135—136; *Полевой В. М.* Искусство Греции. Новое время. С. 35—36, 94—101.

[62] *Димитров Ст., Манчев К.* История на балканските народи XV—XIX вв. София, 1971; *Стайнова М.* Ислам и исламская религиозная пропаганда в Болгарии // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986; *Желязкова А.* Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове // Там же.

[63] *Buda A.* Unité et diversité dans l'histoire du peuple albanaise et des autres peuples balkaniques // Actes du colloque international de civilisations balkaniques. Sinaie, 1962.

Southeast Europe as an Ethno-Historical Province and Its Ecocultural Types

The Southeast European ethno-historical region is characterized by a uniform physico-geographical conditions as well as by historical and cultural unity. The region includes the Balkan peninsular, Middle and Lower Danube plains, Eastern Mediterranian and Adriatic islands, Cyprus, and the western part of the Minor Asia. It is characterized by a specific complex of ecocultural types: plough cultivation, transhumance and nomadic pastoralism, maritime fishing, handicraft pedlary (Gipsies), urban trade and handicrafts. Each type is characterized in the article by its economic management and interregional ties, type of settlement and housing, cuisine, clothing and eathernware, customs and religious faith, which influence the economic activities of the population.

Yu. V. Ivanova